

есть всегда скучные трудности, которые должен преодолеть ребёнок по возможности быстрее. Когда он начнёт уже кое-что понимать и читать хотя какие-нибудь лёгонькие вещи, тогда занятие становится для него приятным; тогда уже не нужно ни много времени, ни много усилий, чтобы поддерживать и развивать в нём далее приобретённое знание, и можно приступить к столь же ревностному изучению второго языка. Так и делается везде за границей, где учением хотят достигнуть определённой цели, а не только выполнить заданную программу. Что же может быть смешнее, бесцельнее, недобросовестнее семилетнего или восьмилетнего изучения французских и немецких спряжений, которыми и до сих пор занимаются во многих наших учебных заведениях?

5. Чем ревностнее занимаются с детьми изучением иностранного языка, тем ревностнее должны заниматься с ними в то же время изучением родного: этим только можно парализовать неизбежный вред, происходящий для душевного развития дитяти от усиленных первоначальных занятий иностранным

языком. Как только дитя приобретает возможность понимать довольно свободно что-нибудь нетрудное на иностранном языке, то немедленно должно воспользоваться этим знанием для изучения родного языка в переводах с иностранного языка на русский, под руководством русского учителя; изучение же родного языка в народной литературе, в народных песнях, в творениях народных писателей, в живой народной речи должно постоянно противодействовать чуждым элементам и претворять их в русский дух.

Но, заметят нам, при таком изучении дети никогда не приобретут того прекрасного, чисто французского выговора, какой приобретают они; изучая чуждый язык как свой родной, даже прежде своего родного. Это неоспоримая истина! И для кого правильное умственное развитие, полнота духовной жизни, развитие мысли, чувства, поэзии в душе, национальность человека, годность его приносить пользу отечеству, нравственность и даже религия детей ничто в сравнении с хорошим парижским выговором — те напрасно трудились читать нашу статью.

## «Мыслить по-татарски на французском языке...»

*вместо послесловия*

Размышления Константина Дмитриевича Ушинского о человеческом слове, языке, их происхождении, сути и значении просто завораживают. И в самом деле, задумывался ли кто, из каких доисторических глубин пришла к нам человеческая речь. Всевышний ли наградил человечество умением передавать свои мысли с помощью по-особому организованных звуков или это сами народы удивительным образом выра-

ботали систему словесного выражения своих желаний, намерений, любви, ненависти, угрозы, обозначения конкретных и абстрактных путей познания, художественного воспроизведения мира? И Константин Ушинский без тени сомнения заявляет: язык каждого народа создан самим народом и никем другим. Но он между тем оговаривается: нам всем трудно поверить, что всё величие языка, его поэзию, чуткость, вкус, глубину «соз-

дала эта грубая, серая масса народа». И тут же замечает, что факт остаётся фактом: из этой грубой, серой массы «льётся чудная народная песнь», из которой черпают вдохновение и поэты, и художники, и музыканты, и философы, и филологи.

Далее Ушинский задаётся вопросом о происхождении разных языков, об их путях развития, об их особенностях и различиях и постепенно подходит к главной теме статьи – родному языку. В родном языке, говорит учёный, одухотворяется весь народ, его родина, её воздух, её климат, её поля, горы и долины, леса и реки, бури и грозы. Пока жив родной язык, до тех пор жив и народ. Когда исчезает народный язык, народа нет более. Не поспоришь. Это утверждение актуально и в наши дни. Об этом ныне в большей мере говорят писатели, учёные, общественные деятели так называемых малых народов, чьей словесности, чьим языкам грозит исчезновение.

Для себя я давно сделал вывод, что язык – явление суперконсервативное, чем меньше в нём изменений, нововведений, тем он долговечнее и понятнее людям разных поколений и эпох. С удовлетворением прочёл у Константина Ушинского: «Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, исторически живое целое». Классика есть классика, она жива и действенна во все времена! Недаром, читая её в последующие, более поздние времена, нет-нет да и восклицают: «И я так думал, и я так считаю!»

Иду по тексту дальше и вместе с автором не перестаю удивляться, как это ребёнок к пяти, а то и к трём годам жизни принимает и осваивает родной язык легко и беспечно, будто молоко матери. Ещё вчера ничего членораздельного и вдруг заговорил совершенно правильно, со всеми родами, склонениями, спряжениями, ударениями, оттенками... «Удивительный педагог – родной язык – не только учит многому, но и учит удиви-

тельно просто, по какому-то облегчающему методу». Вспоминаю, как с пятого класса школы начинали изучать иностранные языки, потом институты-университеты... И десяток лет немотивированного обучения чужой речи, как коту под хвост.

Впрочем, и на эту тему размышляет классик, но тут у нас с ним возникли разногласия.

По мнению Ушинского, ребёнок с колыбели должен учиться непременно родному языку. Дитя, по его словам, изучая родной язык, пьёт духовную силу из родимой груди родного слова, усваивает плоды мыслей и чувств предшествовавших поколений. А заменяя для него родной язык чуждым, мы предлагаем ему «источник скучный и поддельный». И далее: подобным образом воспитанный человек никогда не поймёт своего народа и никогда не будет понять им, останется жалким человеком без отчизны. Ещё хуже, если ребёнок начнёт говорить сразу на нескольких языках. «Нам удавалось видеть образчики детей, воспитанных таким образом. Это были или совершенные идиоты, или дети до того лишённые всякого характера, всякой творческой силы, доступной самому слабоумному, но не извращённому воспитанием ребёнку, что стоило бы представить их обществу для назидания».

Казалось бы, Ушинский успел захватить своими юными годами пушкинские времена, когда «наше всё» творил в полную зрелую свою силу, был в зените славы. Застал Константин Дмитриевич и его современников, читал самого Пушкина, конечно, и знал биографию величайшего творца и своего соседа по XIX веку, которого не на пустом месте лицейские друзья прозвали «французом». Знал, да как-то не учёл свою осведомлённость в своём вдохновенном труде о родном слове.

Да, были у маленького Пушкина и учителя, и гувернёры «выписанные из Франции», и родители знали французский, и первое своё стихотворение Александр Сергеевич написал на французском. Брат поэта Лев Сергеевич Пушкин

вспоминал: «На восьмом году возраста, умея уже читать и писать, он сочинял на французском языке маленькие комедии и эпиграммы на своих учителей. Вообще воспитание его мало заключало русского. Он слышал один французский язык; гувернёр его был француз, впрочем, человек неглупый и образованный; библиотека его отца состояла из одних французских сочинений. Ребёнок проводил бессонные ночи и тайком в кабинете отца пожирал книги одну за другою. Пушкин был одарён памятью невероятною и на одиннадцатом году уже знал наизусть всю французскую литературу».

Кстати, Ушинский о французской литературе, которую «пожирал» юный Пушкин: «...Если бы нас привлекала богатая литература западных народов, то мы изучали бы преимущественно языки Англии и Германии. Но мы заботимся более всего о французском языке и менее всего о его бедной по духу более других чуждой там литературе». Понятно, это XIX век со всеми его особенностями и пристрастиями, но так низлагать одну из мировых литератур в весьма противоречиво изложенном послые вызывает, по меньшей мере, некоторое недоумение.

Но вернёмся к теме. 8 января 1815 года на публичном экзамене «француз» прочитал своё знаменитое стихотворение «Воспоминания в Царском Селе». На русском, естественно, языке. Экзаменаторы, приглашённые гости, среди которых имели честь присутствовать министр народного просвещения граф Разумовский, ректор С.-Петербургской духовной академии архимандрит Филарет и другие были в восторге от услышанного. Гавриил Державин, дремавший до экзамена русской словесности в первом ряду гостей, после выступления курчавого лицеиста вдруг поднялся. На глазах его были слёзы, он протянул руки к юному поэту, хотел обнять, но того и след простыл. Державин требовал вернуть беглеца, его искали, но тщетно. Пушкину в тот день было 15 лет.

Старшая дочь Александра Сергеевича – Мария, о которой довольно подробно я писал в предыдущем выпу-

ске «Казанского альманаха», от отца в смысле изучения языков не отставала. К восьми годам она свободно говорила, читала и писала на французском, немецком языках и, разумеется, на русском. Не хуже в этом отношении были и сестрёнка с братьями.

Судя по детским годам, мало чем отличался от Пушкина и другой великий русский поэт Фёдор Тютчев. С раннего детства Фёдор Иванович до тонкостей знал французский язык. Потом, однако, он перешеголял знаменитого «француза» – освоил ещё и латинский, древнегреческий, немецкий, итальянский языки. Пушкин же впоследствии читал, писал, переводил на русский язык и английские художественные тексты, но у него беда была с устной речью Туманного Альбиона.

А вот одному из самых легендарных баритонов Дмитрию Хворостовскому с изучением иностранных языков не повезло. Он говаривал: «И зачем я родился в Сибири, а не в Швейцарии, где с детства все знают по четыре языка!» Ему было уже двадцать семь, когда он впервые оказался за границей страны – в Кардиффе (Уэльс, Великобритания), на Международном фестивале оперных певцов. Хворостовский признавался, что был там скован, чувствовал себя просто немым и вынужден был «надеть» на себя маску непреступного высокомерия. Однако на этом форуме оперных певцов он стал победителем, получил приглашение в «первые театры мира» и овладел впоследствии главными языками Европы. Лучше других у него дело обстояло с английским. Это и понятно, поскольку местом постоянного жительства певца стал Лондон.

Помните краткий анекдот? В семье было три сына. Двое умных, а третий футболист. Так вот не учёный, не дипломат, не коммивояжёр, а голландский футболист Йохан Кройф с раннего детства изучал иностранные языки. Повзрослев, он играл за родной «Аякс», испанскую «Барселону», сборную Нидерландов, ещё более повзрослев, стал выдающимся тренером и почти со

всеми, с кем встречался на поле и вне, соперниками, судьями, журналистами говорил на их родном и находил общий язык.

К чему все эти примеры? А ко 2-му пункту утверждений статьи Ушинского, где он пишет: «Изучение иностранных языков не должно никогда начинаться слишком рано. [...] С иным ребёнком можно начинать изучение иностранного языка в 7 или 8 лет (никогда ранее), с другим в 10 и 12; с детьми, обладающими крайне слабой восприимчивостью, лучше не начинать никогда: иностранный язык только подавит окончательно и без того слабые его способности».

Современные учёные и полиглоты говорят, чем раньше начинает ребёнок изучать иностранный язык, тем лучше. Детские психологи конкретнее: начинать надо с трёх лет. Пластичность природного механизма овладения речью, независимо от наследственных факторов, помогает малышу овладеть иностранным языком более успешно, чем с возрастом, когда данная способность постепенно угасает. И не надо бояться перегрузок и смещения языков, со временем все слова и их конструкции спокойно улягутся в свои языковые ячейки.

Касаясь языка и здоровья, известный полиглот А. Рыжов утверждает: у действующих билингвов (носителей двух и более языков) «мышца памяти накачена и постоянно в тонусе». А хороший тонус головного мозга – один из гарантов долголетия. Раньше в гимназиях в обязательном порядке изучали мёртвый латинский язык. Не скажешь ведь, что дореволюционное образование было никчёмным. «Бесполезные» мёртвые языки, по свидетельству шведских учёных, оказывают на развитие головного мозга особо благотворное влияние. Создатель новых IT-направлений и миллиардер, передавший 50 процентов своего состояния на благотворитель-

ность, Марк Цукерберг перед своими глобальными достижениями неистово учил «никому не нужный» древнегреческий язык.

Впрочем, что противопоставлять современную научно-практическую мысль о пользе раннего изучения иностранных языков с утверждениями и ограничениями XIX века, высказанными пусть и всеми уважаемым основоположником российской педагогики, когда классические примеры его современников – Пушкина, Тютчева (перечисление можно увеличить), – говорят, казалось бы, сами за себя.

И последняя цитата из данной статьи. Ушинский утверждает, что знание иностранного языка с самого раннего детства и без всякого труда «не цивилизует ещё человека, и, боже мой, сколько есть у нас людей, мыслящих совершенно по-татарски, но не иначе, как на французском языке!»

Извиняюсь, но здесь у меня полное непонимание. Как это мыслить «совершенно по-татарски»? Что это означает? Да ещё и «не иначе, как на французском языке»? Возможно, классик педагогики именно смещением татарского с французским хотел показать бессмысленность раннего изучения иностранных языков? Но фраза «без всякого труда» говорит о лёгкости познания языков в младенчестве. Ушинский тут противоречит самому себе.

Конечно, вполне понятно, что значит изъясняться на французском языке. Но «мыслить совершенно по-татарски» требует какого-то разъяснения. Да и мыслительные способности человека и его изустно речевые качества – это близкие, но всё равно разные вещи. Соединять их – всё равно что, как мы в детстве шутили, скрещивать ежа с ужом.

Надо будет повнимательнее почитать «Первые уроки логики» Константина Дмитриевича.

*Ахат Мушинский*